

Безумие уставшего героя

“Геракл во гневе” Т.Терзопулоса

Культура. — 2001.
28 июня — 4 июля. — с. 9

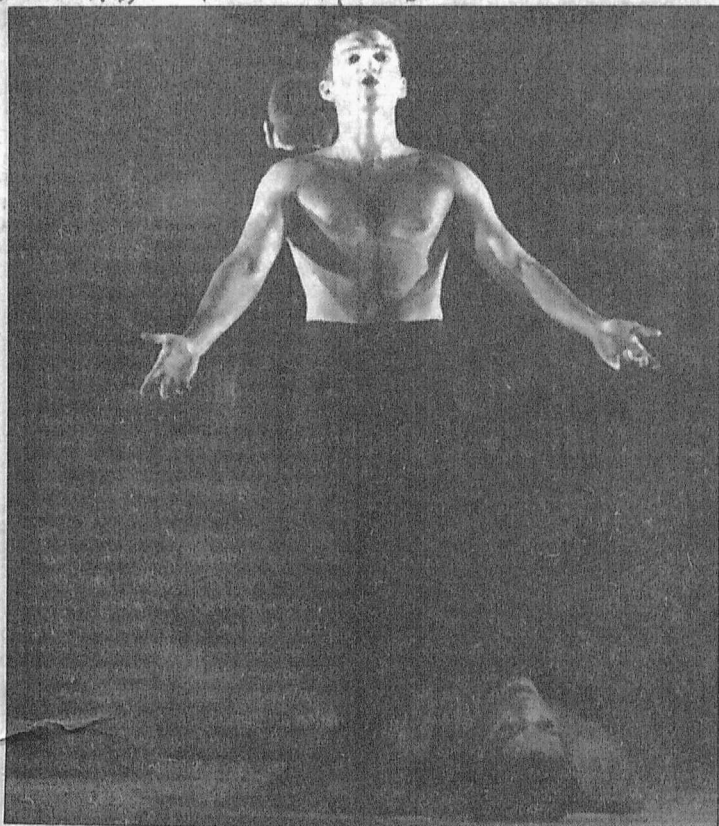

Фото М. ДУРЬЯНА

Сцена из спектакля

Еврипид тут, кажется, ни при чем, хотя имя последнего из великих античных трагиков и значится в афише. Авторство спектакля “Геракл во гневе” греческого театра “Аттис”, безусловно, принадлежит режиссеру Теодоросу Терзопулосу. Смотреть (а вернее, слушать) сегодня каноническую и архаичную трагедию было

бы невыносимо скучно. У Терзопулоса есть что угодно, кроме скуки, — легкость, стильность, краткость, графичность, определенность эмоциональных оттенков и их мгновенные ненавязчивые переливы.

Терзопулоса вряд ли интересует архаика сама по себе. Ему важно вписать античную традицию в кон-

текст современного театра, где традиции всех эпох и национальных культур неудержимо стремятся к синтезу. Где не в чести строгая чистота жанра, но любопытен переход от трагедии к гротеску и наоборот. В эмоциональной геометрии “Геракла во гневе” встречаются запад и восток, ритуальное действо и комедийно-антисемские пассажи, суровая дидактичность Еврипида и отголоски взвинченных ритмов Х.Мюллера.

Терзопулосу, судя по спектаклям последних лет, очень близок Геракл — создан целый цикл постановок. Режиссер словно препарирует этого персонажа, то выворачивает наизнанку, то дает классический образ вершителя подвигов. Нынешний Геракл значится “во гневе”, но на деле гнев оборачивается безумием уставшего исполина. Временами Геракл (Д.Актипис) похож на грустного, но страстного клоуна с набеленным лицом и обнаженным торсом. Впрочем, сценическое время, ему отпущенное, невелико.

Чернота кулис и белые концентрические круги, расходящиеся по сцене (сценография Э.Хондолидиса), — все это напоминает мишень, в центре которой, как водится, находится ребенок. Вернее, дети — трио подростков, которым суждено быть убитыми безумным отцом. Всего этого мы, к счастью, не увидим — античная традиция целомудренно скрывает кровавые преступления от глаз публики. Достаточно Хора или Вестника с подробно-эмоциональным “отчетом” о происшедшем.

Герои и хоревты — в едином строю: расходящиеся на мужскую и женскую половины острые стрелы. Черные брюки и распахнутые на груди смокинги, темные платья. Ри-

туальные жесты, ритуальная пластика, ритуальные возгласы — на звуковом фоне змеиного шипения и приглушенного крика. Хор змеится по сцене в затейливых геометрических построениях, смыкается в хоровод, припадает к земле. Взамен традиционных масок — броский, хищный грим.

Едва ли не каждому подарена сольная партия. Мегара (С.Хилл), жена Геракла, ударяя себя кулаками в чрево, ритмично оплачет детей. Царевубийца Лик (А.Калпакидис) совершит недолгий “круг почета”, примеряя серебристую корону-маску. Лисса (К.Такалу) и Ирис (Н.Костопулу) впадут в акробатическое безумие. Гонец (Т.Димас) иронично расскажет о страшном, затеяв общий хоровод. Амфитрион (Т.Георгиу) медленно пройдет по сцене с двумя палками, складывая их в крест, — хоронит мертвых. Безумный и жалкий Геракл закроется, как щитом, какой-то хрупкой и полупрозрачной завесой, напоминающей жалюзи, — пора пережить содеянное.

Нам сегодня совершенно не интересны все эти мифологически-сюжетные метания. И даже не нужен “закадровый” голос, по-русски комментирующий происходящее. Властно затягивает в свой круг другое — древняя магия театра, сохранившаяся, несмотря на все новейшие сценические ухищрения. А может быть, благодаря им. Затягивают темперамент и органичность актеров. Интонационное звучание чужой речи, где не важен смысл слов. И в финале, кажется, в центре мишени оказались именно зрители. Стрела же Терзопулоса попала точно в цель.

Ирина АЛПАТОВА